

УДК 930

РУССКИЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ И РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

ЩЕРБАТЫХ Антон Алексеевич,
аспирант кафедры истории России;

ФУРСОВ Владимир Николаевич,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. *Анализируется развитие военного искусства русского генералитета в первой четверти XIX в. Высший военный состав русской армии применял новые формы стратегии и тактики в войнах с Францией, Османской империей, Швецией и Ираном. Они в совокупности с дипломатическими усилиями сыграли огромную роль в выполнении внешнеполитических задач Российской империи.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *русский генералитет, тактика, стратегия, военная дипломатия.*

SHCHERBATYKH A. A.,
Postgraduate Student of the Department of Russian History;

FURSOV V. N.,
Dr. Hist. Sci., Professor of the Department of Russian History,
Voronezh State Pedagogical University

RUSSIAN GENERALS AND THE DEVELOPMENT OF MILITARY ART IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX-th CENTURY

ABSTRACT. *The article analyzes the development of military art of Russian generals in the first quarter of the XIX-th century. Supreme military staff of the Russian army implemented new forms of strategy and tactics in the wars with France, the Ottoman Empire, Sweden and Iran. Coupled with diplomatic efforts, they played a tremendous role in pursuing foreign policy objectives of the Russian Empire.*

KEY WORDS: *Russian generals, tactics, strategy, military diplomacy.*

В первой четверти XIX в. Россия, отстаивая свои интересы, проводила активную внешнюю политику, вынужденно участвуя во многих войнах, итоги которых во многом зависели от военного искусства. Изучение и анализ военного искусства русского генералитета является важным аспектом русской истории. В настоящий момент существуют дореволюционные [1], советские [2] и современные исследования [3] данной проблемы. Но в них лишь в обзорном формате рассматривается развитие русского полководческого искусства. Малоизученными вопросами остаются: источники формирования военного искусства, состояние дипломатических, стратегических и тактических навыков высшего командного состава. Цель данной статьи заключается в изучении общей картины развития военного искусства, а именно стратегии, тактики и военной дипломатии. Инженерное и фортификационное искусство нами не рассматривалось.

Работа подготовлена на основании опубликованных и архивных источников, в частности материалов следующих изданий: «Хроника Кавказских войск», «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года» (тт. 2–3), «М.И. Кутузов. Сборник документов. 1808–1812», а также личного фонда И-83 генерала от инфантерии А.Я. Рудзевича, находящегося в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО). Из опублико-

ванных материалов использовались документы, характеризующие дипломатические, стратегические и тактические способности русского генералитета. Мемуарная литература [4; 5] способствовала выявлению стратегических и тактических замыслов французской и русской сторон. В личном фонде генерала А.Я. Рудзевича содержится «План военных действий, составленный генералом Беннигсеном в феврале 1811 г.», позволяющий проанализировать вариант превентивной войны с Наполеоном.

В многочисленных войнах Российской империи против Франции, Османской империи, Швеции и Ирана многое зависело от правильно выбранной стратегии. Следует отметить неразрывность достижения дипломатических целей и выбора адекватных им способов применения вооруженных сил. Как область практической деятельности стратегия занимается решением стратегических задач и определением необходимых для их выполнения сил и средств, разработкой и осуществлением мероприятий, связанных с подготовкой вооруженных сил, театров военных действий, экономики и населения страны к войне; планированием войны и стратегических операций; организацией развертывания армий и руководства ими при ведении операций стратегического масштаба, а также изучением возможностей противника [3, с. 7]. Все вышеперечисленное учитывалось русским высшим командованием в

многочисленных войнах России в первой четверти XIX в.

Основы военной стратегии начала XIX в. были заложены еще во времена Петровской эпохи. После введения рекрутской повинности и создания регулярной армии началось совершенствование русского военного искусства. В течение всего XVIII в. постепенно складывалась военно-теоретическая школа, учитывавшая новшества Румянцева и Суворова. Основные ее положения заключались в следующем:

1) реализовывался на практике принцип связи политики и войны (раз война началась, то все усилия необходимо направить на ее победоносное окончание) [6, с. 30];

2) активные и целеустремленные действия с учетом характера войны, особенностей противника и местности;

3) главная цель в войне – разгром живой силы неприятеля (всей армии) в генеральном (полевом) сражении (а не вытеснение сил противника с территории государства, как это было в XVI–XVII вв.) и отказ от долговременных осад крепостей (которые затягивали ход войны и позволяли противнику подготовиться к новому противостоянию);

4) основной вид военных действий – наступление (вынужденная оборона только в крайних случаях, например для подготовки к наступлению);

5) «суворовский способ решения стратегических задач» – система нескольких последовательных ударов, направленных на поочередное уничтожение противника. Для успешного применения такого способа полководцу необходимо было выбрать наиболее слабую группировку противника для разгрома, умело применять маневр, концентрировать силы и средства для решающего удара по противнику с достижением стратегической и тактической внезапности. После разгрома армии противника далее необходимо захватить политические и экономические центры страны и добиться капитуляции [3, с. 75–76].

Так называемый «суворовский способ решения стратегических задач» стал базой для дальнейшего совершенствования русского военного искусства [7, с. 324]. На его основе формируется плеяда «суворовских учеников»: М.И. Кутузов, П.И. Багратион, Д.С. Дохтуров, А.И. Остерман-Толстой и др., которые стали носителями победоносной стратегии в войнах начала XIX в. В период правления Павла I, ярого поклонника Фридриха II и его устаревшей военной системы, на первое место выходит внешняя сторона военного дела. Обычным становится обучение солдат «немецкой стойки и выправки», необходимых для красоты столь любимых императором вахтпарадов. Приходится признать, что все военные мероприятия Павла I (за исключением улучшения быта военных, преобразований в артиллерии) отбрасывали русскую армию на полвека назад, в том числе и в развитии стратегического мышления.

С приходом к власти Александра I меняется военная парадигма. Намечается отход от «русской военной школы», и русский генералитет начинает обращать внимание на французскую военную систему. Еще К. Симанский в начале XX в. доказал, что «Наставление гг. пехотным офицерам в день сражения», распространяемое П.И. Багратионом среди 2-й армии (и используемое в составлении пехотного устава 1816 г.), было переделкой «Наставления гг. пехотным офицерам Нарвского пехотного полка» М.С. Воронцова, которое было переводом «правил для французской армии, составленным

императором Наполеоном» [8, с. 73]. Кавалерийское наставление Д.В. Голицына не что иное, как переработка французского кавалерийского устава 1801 г. [8, с. 75]. Налицо попытка внедрить основы французского военного искусства в русскую среду.

Анализ военной стратегии эпохи Александра I показывает, что антифранцузские коалиции 1805 и 1806–1807 гг. не могли оказать Наполеону должного сопротивления ввиду несогласованности действий на всех уровнях. Каждая страна (Австрия, Пруссия) стремилась учитывать и выполнять только свои внешнеполитические цели и задачи. Не способствовал успеху и военный план коалиции, предложенный австрийским генеральным штабом. Принципы кордонной стратегии – прикрытие жизненно важных центров страны и маневрирование на коммуникациях противника – не соответствовали духу времени. Наполеон использовал более совершенные приемы новой стратегии: маневр на театре войны, стратегический обход флангов, стремление решить судьбу кампании в одном генеральном сражении с полным разгромом войск противника. Показателем ее преимущества стало сражение под Аустерлицем [9, с. 34], где концентрированный удар группировки французов в центр союзного войска не смогли сдержать русские солдаты на Праценских высотах. По этой причине антифранцузская коалиция потерпела поражение. Единственный, кто смог предугадать действия Наполеона, был М.И. Кутузов, но у него не было полномочий главнокомандующего, поэтому он ничего сделать не смог. На следующий год ситуация не изменилась. Новая антифранцузская коалиция (Англия, Пруссия, Россия, Швеция, Саксония) ничего коренного не изменила на военно-политической карте Европе.

После разгрома Пруссии под Йеной и Ауэрштедтом единственным противником Наполеона оставалась Россия, которая вела в это время войны с Турцией и Ираном одновременно. Французский император рассчитывал в Восточной Пруссии осуществить «блицкриг по-французски» и уничтожить в одном или нескольких генеральных сражениях русскую армию, тем самым подчинив цели и задачи внешней политики Российской империи своим интересам. Но сражения под Пултуском и Прейсиш-Эйлау не привели к разгрому русской армии, и Наполеон понимал, что перед ним достойный противник. Под Фридрихландом русская армия из-за допущенных ошибок ее командующего Беннигсена (нерешительность и потеря инициативы) чуть не потерпела крупное поражение, но благодаря самоотверженности русских офицеров и солдат смогла переправиться через мосты и спастись [9, с. 79]. Главной причиной неудач России являлась война на нескольких фронтах (на Кавказе, на Дунае и Восточной Пруссии) и невозможность сконцентрировать силы на главном направлении. Кроме того, поражение под Аустерлицем и репутация Наполеона как непобедимого полководца усиливали нерешимость и скованность русских генералов. В целом внешнеполитическая ситуация в Европе благополучно складывалась в пользу Франции: заключение мира в Тильзите, континентальная блокада Англии и насильственное превращение Австрии и Пруссии в своих союзников.

В ходе войны против Турции и Ирана Россия достигла больших результатов, несмотря на второстепенность данного направления и ограниченность ресурсов. Противники России рассчитывали в военном союзе нанести поражение на Балканах и Кав-

казе. Но русские войска разбили превосходящие силы турок и иранцев, а флот смог одержать победу в Дарданельском и Афонском сражениях. Прибытие Кутузова на данный театр военных действий значительно изменило ситуацию. Дело в том, что затягивание военных действий отрицательно сказывалось на подготовке России к новой войне с Францией. Поэтому главная задача нового главнокомандующего заключалась в нанесении туркам сильных ударов, чтобы заставить их подписать военный мир. Рассматривая военные действия Кутузова на Дунае, необходимо отметить окружение турецкой армии под Слободзей [10, с. 167]. Стратегический маневр дал возможность тактически окружить превосходящего по силе противника: умелый выбор позиции и усиление ее в инженерном отношении обеспечили систему концентрического обстрела из орудий. В целом быстрые и решительные действия Кутузова позволили закончить войну с Турцией до начала Отечественной войны.

Военные действия против Ирана велись более ограниченными силами [11, с. 37–39], поэтому операции носили эпизодический характер. Здесь следует выделить две победы, одержанные командующим Котляревским под Асландусом и в Ленкорани, подорвавших военные силы Ирана. Фактически быстрыми и решительными мерами при наличии малых сил (за всю войну силы России в данном регионе не превышали 20 тыс. человек) в декабре 1812 г. русская армия уничтожила лучшие иранские войска.

Война России со Швецией в стратегическом отношении значительно отличалась от боевых действий на других театрах. На военное искусство здесь повлияли географические условия местности, которые вынуждали действовать отдельными группами. При этом роль главнокомандующего значительно снижалась. Общие цели войны необходимо было выполнить за счет самостоятельных действий отдельных военачальников, которые проявляли разумную инициативу и несли за нее ответственность. Военные действия носили наступательный характер и осуществлялись быстрыми темпами во избежание попыток противника перехватить инициативу. Наступление велось по фронту или во фланг, обходными колоннами. Огромное влияние в данной кампании имело снабжение войск, которое оставляло желать лучшего. Неудовлетворительная организация тыла привела к тому, что войска постоянно испытывали недостаток в боеприпасах и продовольствии [9, с. 62]. Тем не менее стратегия решительных мер, маневров с целью нанесения противнику поражения в ряде полевых сражений способствовала отходу от канонов кордонной стратегии и общей победе.

Кульминацией развития русской стратегии в первой четверти XIX в. являются Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.

Русский император накануне войны принял решение не идти с Наполеоном ни на какие компромиссы. С 1810 г. активно разрабатывалось и рассматривалось несколько вариантов войны. Еще в феврале 1811 г. генерал Беннигсен в своем плане военных действий рассуждал о будущем характере войны: «В сем отношении, во-первых, должно определить, в тот час ли Россия поведет наступательную, или некоторые политические соображения заставят ее на первый случай остановиться на войне оборонительной» [12, л. 2]. В условиях продолжав-

шейся войны с Турцией и Ираном, а также сохраняющейся военной угрозы со стороны Швеции генерал говорил о неэффективности оборонительной войны ввиду огромной протяженности границ «от устья Немана... до самого Днестра» [12, л. 2]. Кроме того, численность русских войск должна тогда быть около 320 тыс. человек: на «абсервационную армию против шведов» – 30 тыс. человек; 120 тыс. человек должны располагаться от Литвы до Смоленска; одновременно 40 тыс. человек необходимо для прикрытия «Курляндии и Финляндии»; «в Крыму необходимо иметь 80 тыс. человек для защиты Киева» и 50 тыс. «в Молдавии и Валахии» [12, л. 3]. Исходя из своей оценки, Беннигсен предлагал вести против Наполеона наступательную войну. Он считал, что французские силы насчитывают от 75 тыс. до 90 тыс. человек (силы распылены по всей Европе) и поэтому России достаточно 169 тыс. человек для похода [12, л. 7]. Кроме того, Пруссия и Австрия должны выступить союзниками России, в противном случае они будут воевать против нее (Наполеон силой сделает их своими союзниками). Генерал Беннигсен предлагал превентивную войну против Франции, но за год политическая обстановка в мире значительно изменились (Франция доминировала на континенте), численность войск была в пользу Франции, да и Пруссия с Австрией, как и ранее, скорее всего, долго бы колебались в отношении новой коалиции с Россией. Для российской стороны наступательные действия против Наполеона стали опасными.

В 1812 г. первоначальный официальный стратегический план войны с наполеоновской Францией подготовил военный советник императора генерал Фуль. В случае наступления французской армии на Вильно или Гродно, у Дриссы (район Западной Двины), предполагалось создание большого укрепленного лагеря, заняв который, 1-я армия сможет сдерживать противника с фронта. В свою очередь 2-я армия должна действовать во фланг и тыл французов. Проект остался нереализованным, так как позиция на Дриссе имела слабые укрепления.

Второй стратегический план, отстаиваемый военным министром М.Б. Барклаем-де-Толли, основывался на активной обороне – планомерное отступление с боями вглубь страны под натиском превосходящих сил противника с целью его изматывания, истощения и ликвидации его численного превосходства [5, с. 14–15]. В конечном итоге предполагалось в генеральном сражении нанести противнику поражение. При отступлении русская армия использовала тактику «выжженной земли»: «...меры о немедленном вывозе казны и провиантских запасов далее внутрь России, буде же чего не можно будет спасти ... то предать истреблению ... дабы неприятель нигде и ничем не мог пользоваться» [13, с. 67]. Как показал ход войны, этот впервые предложенный комбинированный вариант был более эффективен и безопасен для русской армии.

В ходе Отечественной войны 1812 г. можно выделить два этапа. На первом этапе (с 12 июня до середины октября) стратегический замысел заключался в том, чтобы, отступая, русская армия с арьергардными боями заманивала противника вглубь страны с целью срыва его первоначального плана. Русской армии необходимо выполнить две важные задачи – соединить силы 2-х русских армий и установить единоначалие (армии соединились под Смоленском, главнокомандующим стал М.И. Кутузов). Второй (с середины октября до 25 декабря) –

контрнаступление русской армии и преследование противника с целью его полного уничтожения. В основе лежала стратегия параллельного преследования противника по разоренной им же дороге. Французы были разгромлены в ходе последовательного контрнаступления. Стратегии Наполеона, основанной на разгроме армии противника в генеральном сражении, Кутузов противопоставил стратегию, которая включала в себя разнообразные формы борьбы, отступление в сочетании с отдельными сражениями, стратегический маневр на главном театре военных действий, активная оборона с последующим переходом в контрнаступление, стратегическое преследование. Впервые в истории войн действия партизан включались в общестратегический план войны и содействовали быстрейшему его выполнению (комбинированный вариант контрнаступления).

Изгнание французов из России не означало окончание войны с Наполеоном. Он по-прежнему являлся господином почти всей Европы и вынашивал гегемонистские планы. Для полной ликвидации угрозы со стороны Франции, Россия возглавила борьбу европейских государств с французским господством. В январе 1813 г. русские войска вступили на территорию Польши и Пруссии. Разумеется, как только «ослаб Наполеон», военными союзниками России сразу стали Пруссия, Австрия, Англия и Швеция. Большое влияние на ход заграничного похода оказала смерть М.И. Кутузова – признанного главнокомандующего союзными армиями. Тем не менее в октябре 1813 г. произошла битва под Лейпцигом, в которой принимала участие фактически вся Европа. Наполеон потерпел полное поражение и в результате были освобождены германские государства. В марте 1814 г. взят Париж [9, с. 153–154]. Наполеон в войне 1813–1814 гг. допустил ряд просчетов. Стремясь удержать в повиновении всю Центральную Европу, французский император оставил в германских крепостях крупные гарнизоны и тем самым ослабил свои главные силы (расчет на задержку гарнизонов главными силами союзников). А в это время военный потенциал союзников стал превышать возможности французов. Наполеон не понимал, что истощенная Франция не сможет продолжать борьбу. Кроме того, он считал, что тактическая победа сможет изменить стратегическую ситуацию в корне и поэтому не стал организовывать народную войну. Главные ударные силы союзников старались не задерживаться в осадах германских городов, предоставляя их народному ополчению. В целом стратегия союзников не отличалась ни оригинальностью идей, ни исполнением. Союзники вели войну на истощение. Главнокомандующие при осуществлении стратегических замыслов отличались робостью, так как еще боялись Наполеона, который много раз выходил победителем из безвыходных ситуаций. Также военные союзники России не хотели ее усиления после разгрома Франции и стремились к подписанию мира с Наполеоном. Только вмешательство императора Александра и усилия русских полководцев способствовали победоносному окончанию войны. В результате побед русского оружия Россия стала во главе вновь создаваемого европейского порядка.

Важной составляющей военного искусства является тактика. В первой четверти XIX в. русский генералитет и высший офицерский состав постепенно отказывается от линейной тактики и переходит на тактику колонн и рассыпного строя. Линей-

ная тактика получила распространение в XVII – начале XIX вв. в связи с принятием нового огнестрельного оружия и увеличением роли огня в бою. Войсковые соединения для ведения боя выстраивались в линию, состоящую из нескольких шеренг (зависело от скорострельности оружия), что позволяло в один момент открывать огонь из наибольшего количества орудий. В результате фронтального столкновения исход боя решала мощь пехотного огня. В связи с изменением военной стратегии на рубеже XVIII–XIX вв. выявились отрицательные стороны боевого порядка [14, с. 203–204]:

1) на решающем участке сражения нельзя сосредоточить превосходящие силы;

2) войска действовали только на равнинной местности;

3) линейная пехота была неподвижной и не могла осуществлять маневры, отсюда ввиду слабости флангов решающее значение имела кавалерия.

Тактика колонн и рассыпного строя имеет точно противоположные характеристики. Малоподвижная линейная пехота превращалась в легкую, быстро рассыпалась, могла использовать укрытия, занимала дома в населенных пунктах. Первоначально офицеры с трудом сохраняли боевой строй и дисциплину, ведь укрытия расслабляли бойцов, и крайне трудно было поднять их в бой. Теперь в бою все зависело от авторитета офицеров и индивидуального сознания бойца (а не от палочной дисциплины). У офицеров оставалось лишь одно средство – это собирать бойцов в колонны. Колонна, по сравнению с рассыпным строем, имела иные характеристики. Каждый солдат в колонне чувствовал себя сильнее, задние шеренги подпирают передние, человек в колонне духовно растворяется, теряет свою индивидуальность, легче поддается управлению, точнее исполняет команду и легче дисциплинируется [15, с. 30–31].

Еще одна новая форма боя – это стрелковая цепь, в которой можно предоставить стрелку самостоятельность, использовать его заинтересованность в успехе боя, делавшего его дерзким и находчивым. Лучшие стрелки могли избирательно уничтожать офицеров противника в линейном строю, а в это время за стрелковой цепью маневрировали, собирались и бросались в атаку колонны.

Колонна являлась отличным средством достижения численного перевеса в пункте удара в 2, 4 и 10 раз. С переходом к массовым армиям количественному перевесу придают исключительное значение. Поэтому военачальники в крупных сражениях стремятся обеспечить численный перевес (как Наполеон). Комбинация стрелковой цепи и колонн с обеспечением в решающий момент численного перевеса в пункте удара легла в основу общей тактики боя в сражении.

Русская армия не сразу перешла от линейной тактики к тактике колонн и рассыпного строя. Неэффективность линейной тактики показало Аустерлицкое сражение, где медлительная и неповоротливая союзная армия была разбита одним ударом превосходящих французских войск, сосредоточенных против Праценских высот.

В кампании 1806–1807 гг. под Пултуском, Прейсиш-Эйлау и Фридрихсхальде применялась переходная тактика. Пережитком оставалось то, что для ведения боя выбирались позиции ровные, неглубокие и тесные на всем протяжении. Военачальники стремились обзирать все поле боя и одновременно управлять всеми частями войск. Боевые порядки

войск сочетали в себе как линии, так и колонны. Глубина боевого порядка обеспечивалась резервами армии и применением полевых фортификационных сооружений. Хотя русские войска не могли маневрировать, оборонительные бои велись упорно и всеми родами войск. Русские офицеры часто проявляли инициативу на незнакомой местности перед превосходящими силами противника. Для создания огневого вала артиллерия собиралась в отдельные группы, а также из нее создавались резервы. Конница использовалась не только для поддержки пехоты, но и для решения самостоятельных задач. Русский средний и высший командный состав проявил гибкость в решении поставленных задач при многократно превосходящих силах противника. Особенно отличились: Барклай-де-Толли, Багратион, Остерман-Толстой и Голицын.

В «финской» войне, в частности в сражениях при Куортане, Сальми и Оровайсе, высший командный состав русской армии проявил свое мастерство, разгромив шведские войска с помощью «иной» тактики. Бой велся так, что порядок войск разделялся и каждая группа действовала отдельно, выполняя общую задачу. Чаще всего одна группа войск наносила фронтальный удар по противнику, а вторая – обходным маневром наносила удар во фланг и тыл. Фронтальная группа выстраивалась в форме егерской цепи, а удар наносился в сомкнутых рядах, в колоннах. Главным родом войск на этом театре стала пехота, в частности егерь. Конница использовалась крайне редко и то при обходных маневрах. Особенно отличилась артиллерия, умелыми действиями она обеспечивала переход в наступление пехоты. В целом полностью произошел отказ от линейной тактики в пользу тактики колонн и рассыпного строя [16, с. 89].

Победа русского оружия под Рущуком и Слободзеей очередной раз показала эффективность новой тактики. В организации армии принята сложная отрядная система, так как в условиях сложности театра военных действий каждый отряд выполнял отдельные задачи. Для ведения боя обычно сосредотачивались крупные силы, которые снимались с других участков. Маневры осуществлялись в духе Суворова, в частности вернулись к «суворовскому» боевому порядку, когда сочетание батальонных каре с егерскими линиями использовалось для противостояния многочисленной вражеской коннице. В полевых сражениях артиллерия предназначалась для рассеивания боевых порядков. Также артиллерия прикрывала пехоту до расстояния ружейного выстрела, затем солдаты открывали ружейный огонь и переходили в штыковую атаку. Малочисленная русская конница применялась для преследования отступающего противника.

Окончательно новая тактика утвердилась среди русского генералитета в период Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Сражения при Бородине, Малоарсланце и Вязьме убедительно доказали, что они овладели глубокой тактикой колонн. Используемая еще Суворовым тактика колонн и рассыпного строя была взята на вооружение Кутузовым и остальным генералитетом русской армии [16, с. 160].

Генерал от инфантерии А.Я. Рудзевич являлся ярким примером развития русского военного искусства. В период Отечественной войны 1812 г. он принял участие в сражениях при селениях Стахов и Брилле в составе войск адмирала Чичагова. В период с 17 ноября по 17 декабря Рудзевич совместно с

другими русскими войсками преследовал отступающие французские части и за отличия в операции был пожалован орденом Св. Анны 1-й степени. В составе корпуса А. Ланжерона Рудзевич 17 декабря отправился в заграничный поход русской армии 1813–1814 гг., где проявил себя как способнейший полководец, применяющий вышеупомянутые новые формы стратегии и тактики против французов. Рудзевич участвовал в освобождении Герцогства Варшавского и территории Пруссии, в результате чего последняя стала союзником России. С 25 января по 16 марта 1813 г., находясь в корпусе А. Ланжерона, осаждал крепость Торн и, предотвратив вылазку баварцев из крепости, был награжден алмазными знаками ордена Св. Анны 1-й степени. Совершив подвиги в генеральном сражении под Бауценом, получил орден Св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени большого креста. Во главе авангарда войск под командованием прусского фельдмаршала Блюхера участвовал в боевых операциях в Силезии. В сражениях близ городов Голдберг и Левенберг он взял в плен около 3500 французских солдат и офицеров (включая дивизионного генерала Пюто), захватил обоз маршала Макдональда. В Саксонии при селениях Гохкирхене, Рейнбахе и др. авангард Рудзевича остановил наступление численно превосходящей французской колонны, взяв в плен 7 офицеров и 360 солдат. За отличие в вышеупомянутых операциях он был произведен в генерал-лейтенанты, а от прусского короля награжден орденом Красного Орла 2-го класса. В «битве народов» под Лейпцигом 4 октября авангард генерала Рудзевича захватил 7 пушек, взял в плен 11 офицеров и 600 солдат, а 6 октября, собрав все свои силы «в кулак», выбил французов с позиций у деревни Мохао, перешел р. Парту и теснил противника до деревни Штейнфельд. 7 октября авангард Рудзевича преследовал отступающих французов, захватил обоз и взял в плен более 4000 человек. Вскоре Рудзевичу пожаловали орден Св. Александра Невского и шведский орден Меча 2-й степени. После Лейпцигского сражения авангард Рудзевича продвинулся к Рейну и блокировал крепость Майнц. Сдав осаду крепости принцу Кобургскому, 6 февраля присоединился к Силезской армии, в составе которой продолжал наступать на Париж. Генерал не раз оказывался в сложной ситуации и, благодаря тактике колонн и рассыпного строя, умело использовал свои небольшие силы против превосходящего по численности противника. Благодаря этому, 18 марта 8-й корпус под командованием Рудзевича (вместе с 10-м корпусом Капцевича) быстрым и решительным штурмом взял гору Монмартр – высочайшую точку Парижа. За взятие горы Монмартр Рудзевич награжден орденом Св. Георгия 2-го класса большого креста и прусским орденом Красного Орла 1-го класса. 1 мая 1814 г. генерал Рудзевич через всю Европу вернулся обратно в Россию [17, л. 4–5].

Кроме полководческого искусства, русский генералитет обладал дипломатическими навыками:

1. Вели переговоры о перемирии на определенный срок или сдаче крепости. Например, русский генерал Дибич (в период преследования войск маршала Макдональда в декабре 1812 г.) заключил перемирие с прусским генералом Йорком, который ранее входил в корпус Макдональда. Согласно конвенции «прусская армия остается нейтральной до получения приказаний Его Величества Прусского Короля... и не служить против Императорско-

Российской армии» [18, с. 425]. Тем самым Дибич смог без кровопролития вывести из боя вражеское соединение, которое впоследствии станет союзным. Фридрих Вильгельм III видел в этой конвенции начало военного союза против Наполеона: «Король (Фридрих Вильгельм III) совсем решился быть с нами против французов... а генерал Йорк в короткое время беретя поставить еще Прусских войск до двадцати тысяч» [19, с. 428]. В 1809 г. с рущукским пашой и в 1811 г. – с видинским пашой русское командование вело переговоры о постепенной сдаче данных крепостей и довольно успешно [20, с. 322].

2. Получая полномочия от императора, генералы могли заключать мирный договор от лица своей страны. Яркий тому пример – М.И. Кутузов, получивший полномочия от Александра I заключить мир с Турцией (на тех же условиях, что и генерал Н.М. Каменский) [21, с. 343].

3. Возглавляли посольства для урегулирования взаимоотношений с другими странами. Например, в 1816 г. генерал А.П. Ермолов в качестве «чрезвычайного посла» возглавил посольство в «Персию» с целью «приведения к окончанию возникших с персидским правительством недоразумений и споров о границах, вследствие сделанных нами приобретений по Гюлистанскому трактату 1813 г.» [22, с. 69]. Свою миссию посольство успешно выполнило.

Военная дипломатия в свою очередь является составляющей политики войны [6, с. 32], которая также входит в военное искусство. В тесном взаимодействии дипломатия и стратегия определяют международную ситуацию. Перемирие обычно использовалось Ираном, Турцией, Францией, Швецией с целью затягивания войны. Иран и Турция, если добивались с русской стороной перемирия, то использовали его для формирования новой армии, получения поддержки Франции или Англии и срыва подписания мира на невыгодных для себя условиях. Шведы использовали перемирие для срыва стремительного наступления русской армии (в случае генералов Беннигсена и Кнорринга) и по этой причине войска генерала Багратиона не заняли Стокгольм. Франция в лице Наполеона использовала перемирие лишь для пополнения армии и продолжения войны, но не считала промежуточной стадией перед подписанием мирного договора. Русские генералы шли обычно на переговоры в расчете заключения мира, после достижения договоренностей в его условиях. Но как только становилось

понятно, что противоположная сторона использует время переговоров не с целью заключения мира (а для затягивания войны), то сразу же с русской стороны возобновлялись военные действия. Если этого не происходило, то тогда вмешивался сам император Александр I и требовал продолжать наступление, отправляя к тому или иному главнокомандующему своего представителя (Аракчеева, например). Генерал Цицианов поплатился жизнью во время переговоров о сдаче г. Баку в период русско-иранской войны (был застрелен и обезглавлен во время передачи ключей от города). В целом русский генералитет проявил неплохие дипломатические способности.

Таким образом, в условиях постоянных войн военное искусство русского генералитета совершенствовалось. Среди новых форм военного искусства следует выделить:

1) широкий маневр имеющимися войсками во фланг и тыл;

2) концентрическое наступление на противника с целью его последующего окружения на тактическом уровне и уничтожения;

3) стратегическое преследование противника;

4) военные действия на огромных территориях силами небольших войсковых групп, где каждый генерал брал на себя определенную ответственность (а не как ранее в основном отвечал за неудачи главнокомандующий русскими войсками) и посредством выполнения отдельных задач достигался общий успех для русской армии. Причем эти группы войск действовали отдельно друг от друга;

5) при оборонительных операциях, в случае численного превосходства противника, русское командование осуществляло стратегическое отступление и избегало генеральных сражений для спасения самой армии [18, с. 160];

6) на тактическом уровне полностью произошел переход от линейной тактики к тактике колонн и рассыпного строя;

7) совершенствовались приемы военной дипломатии, генералы могли получать полномочия для заключения мирного договора.

В целом русский генералитет как высший привилегированный слой армии, на который опирался Александр I в войнах начала XIX в., сыграл огромную роль в выполнении внешнеполитических задач Российской империи, применяя новые формы военного искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История русской армии и флота [Текст] / А.С. Гришинский [и др.]. – М. : Образование, 1911. – Т. 1–15.
2. Иссерсон, Г.С. Эволюция оперативного искусства [Текст] / Г.С. Иссерсон. – М. : Издательство наркомата обороны СССР, 1937. – 144 с.
3. История военной стратегии России [Текст] / под ред. В.А. Золотарева. – М. : Кучково поле, 2000. – 592 с.
4. Сегюр, Ф.-П. История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта [Текст] / Ф.-П. де Сегюр. – М. : Захаров, 2014. – 464 с.
5. Барклай-де-Толли, М.Б. Изображение военных действий 1812 года [Текст] / М.Б. Барклай-де-Толли. – СПб. : Типография П.П. Сойкина, 1912. – 107 с.
6. Жомини, А. Краткое начертание военного искусства [Текст] / А. Жомини. – СПб. : Типография путей сообщения и зданий, 1840. – Ч. 1. – 167 с.
7. Борисов, В. Стратегическое мышление Суворова [Текст] / В. Борисов // Военная мысль в изгнании. – М. : Военный университет «Русский путь», 1999.
8. Жучков, К.Б. Кавалерийское наставление К.В. Голицына: неизвестный источник французского влияния в русской армии в начале XIX в. [Текст] / К.Б. Жучков // Власть, общество, армия. – 2013. – С. 73–76.
9. История русской армии и флота [Текст] / А.С. Гришинский [и др.]. – М. : Образование, 1911. – Т. 3.

10. Бутурлин, Д.П. Картина войн России с Турциею в царствования императрицы Екатерины II и императора Александра I : пер. с фр. [Текст] / Д.П. Бутурлин – Спб. : Типография императорского воспитательного дома, 1829. – Ч. 1.
11. Разделение управления войсками между двумя командующими [Текст] / сост. А.Л. Гизетти // Хроника Кавказских войск. – Тифлис, 1896.
12. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-83. Оп. 1. Д. 10.
13. Предписание Белорусского Военного Губернатора, герцога Александра Вюртембергскаго, Могилевскому гражданскому губернатору от 3 июля 1812 г. о мерах на случай неприятельского нашествия [Текст] // Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Белоруссия в 1812 году. – СПб., 1911. – Т. 3.
14. Сальников, А.В. Складывание основ линейной тактики боя в европейских армиях нового времени [Текст] / А.В. Сальников // Science Time. – 2014. – № 4. – С. 203–214.
15. Боголюбов, А.Н. Полководческое искусство Суворова [Текст] / А.Н. Боголюбов. – М. : Воениздат, 1939.
16. Бескровный, Л.Г. Русское военное искусство в XIX веке [Текст] / Л.Г. Бескровный. – М. : Наука, 1974.
17. ГАВО. Ф. И-83. Оп. 1. Д. 31.
18. Конвенция, заключенная 18 (30) декабря 1812 года между генерал-майором Дибичем и прусским генералом Йорком [Текст] // Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Балтийская окраина в 1812 году. – СПб., 1911. – Т. 2.
19. Рапорт генерал от кавалерии графа Витгенштейна князю Кутузову-Смоленскому, от 26 декабря 1812 г. № 207 [Текст] // Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Балтийская окраина в 1812 году. – СПб., 1911. – Т. 2.
20. 1811 г. апреля 13. – Отношение М.И. Кутузова М.Б. Барклаю-де-Толли о взаимоотношениях с Муллапашой [Текст] // М.И. Кутузов. Сборник документов. 1808–1812. – М. : Воениздат, 1952. – Т. 3.
21. 1811 г. апреля 26. – Письмо М.И. Кутузова Н.П. Румянцеву с подтверждением получения полномочий на заключение мира с Турцией [Текст] // М.И. Кутузов. Сборник документов. 1808–1812. – М. : Воениздат, 1952. – Т. 3.
22. Воронежское дворянство в Отечественную войну [Текст]. – Воронеж : Воронежская областная типография. 2012.